

Сценарий

Литературно-музыкальный вечер «Александр Блок. «Только влюбленный имеет право на звание человека»

Автор С.Д. Фролова, школа №323, СПб

Оформление сцены: На заднем плане - столики, за столиками – гости «Балаганчика». За окнами – зимний Петербург.

На переднем плане – маленький диван, камин.

На экране - портрет А. Блока.

За фортепьяно – композитор Тимур Коган.

Звучит композиция по мотивам произведений А.Блока

На сцене **балансирующий на канате**, декламирует:

*По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.*

*Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочный,
И раздаётся детский плач.*

К микрофону тихо подходит Виктория Рыбкина, поет:

По вечерам над ресторанами...

Балансирующий:

*И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.*

*Над озером скрипят уключины,
И раздаётся женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск...*

Виктория Рыбкина повторяет (эффект эха).

Тимур Коган (обозначить финал драмы)

Ведущий: «Незнакомка»- лирическая драма в двух действиях.

Действующие лица:

1-ый господин (в шубе)

2-ой господин
Девушка
Хозяин кабака
Поэт
Незнакомка

Господа в шубах проходят по сцене, разговаривая.

1-ый. Купил я эту шубу за 25 рублей. А тебе, голубчик, меньше 30 ни за что не уступлю.

2-ой. Да врешь ты! Да вот, поди ж ты... Я вот тебе...

1-ый. Еще бутылочку, любезный!

Хозяин кабачка. (Подбегает. Слышно, как булькает пиво). Молчание.

2 ой. Подходит к прилавку, начинает шарить в блестящей посудине с красными раками (молча).

Хозяин. Позвольте, господин. Так нельзя. Вы у нас всех раков руками переберете. Никто кушать не станет.

Девушка. Бутылку портеру, Миша.

(Поет)

Как люблю я ее,
А она за любовь...

(резко прерывает пение)

2-ому. Дай двугривенный!...Тебе что, жалко?

2-ой. Пей, да помалкивай.

Музыка.

Поэт (в голубом плаще со звездами).

После паузы.

Вы послушайте только. Бродить по улицам, ловить отрывки незнакомых слов. Потом - прийти сюда и рассказать свою душу.

Музыка затихает.

Хозяин. Слушаю – с. (Никакой музыки не слышит).

Поэт. (Никого не видит, но музыка опять зазвучала)

И вот, среди огня взоров, возникает внезапно... одно лицо под густой темной вуалью... вот качаются перья на шляпе... вот узкая рука, стянутая перчаткой, держит шелестящее платье... вот медленно проходит она... проходит она...

Музыка затихает.

Хозяин. Непонятно – с говорите, но весьма утонченно – с.

1-ый. Нет – с, я любитель! Люблю, знаете, острый, такой круглый (делает кругообразные жесты). Забыл название.

2-ой. А вы... пробовали?

1-ый. Что пробовал? Вы думаете, нет? Я рокфор кушал!

2-ой. А знаете... люксем - бургский... так пахнет нехорошо... и шевелится, шевелится... (чмокает губами, шевелит пальцами).

1-ый. Швейцарский, вот сыр!

2 ой. Ну, этим, батенька, не удивите. Вот рокфор, калимбер, бри!

Музыка.

Поэт (самозабвенно):

Синий снег... кружится. Мягко падает. Синие очи. Густая вуаль. Явись!

(В воздухе порхает и звездится снег)

Появляется прекрасная Незнакомка (изящная фигурка в длинном черном узком платье, длинные черные перчатки, вуаль).

Все становится сказочным: господа, хозяин, девушка - как будто «растворяются в воздухе».

Музыка. Очень тихо.

Поэт.

Протекали столетья, как сны.

Долго ждал я тебя на земле.

Незнакомка.

Протекали столетья, как миги.

Я звездой в пространстве текла.

Поэт.

Ты мерцала с твоей высоты

На моем голубом плаще.

Незнакомка.

Ты гляделся в мои глаза.

Часто на небо смотришь ты?

Поэт. Я слишком долго в небо смотрел.

Незнакомка.

Кто ты?

Поэт. Поэт.

Незнакомка.

О чем ты поешь?

Поэт.

Все о тебе.

Незнакомка.

Знаешь ты имя мое?

Поэт.

Не знаю и лучше не знать.

Незнакомка.

Видишь ты очи мои?

Поэт.

Вижу. Как звезды они!

Незнакомка.

Ты видишь мой стройный стан?

Поэт.

Да. Ослепительна ты!

Незнакомка.

Ты хочешь меня обнять?

Поэт.

Я коснуться не смею тебя...

Музыка, громко. Потом резко обрывается.

Поэт «растворяется в воздухе». Рядом с Незнакомкой появляется господин в богатой шубе. Приподнимает котелок.

Господин.

Вы с кем-то беседу вели?

Но здесь не видать никого.

Прелестный ваш голосок звучал

В пространстве пустом.

Незнакомка.

Где он?

Господин.

О да, без сомнения, вы

Кого-то ждали сейчас!

Позвольте - нескромный вопрос.

Кто был ваш незримый друг?

Незнакомка.

Он был красив... в голубом плаще!

Господин.

О, романтика женской души!

И на улице видите вы

Мужчин в голубых плащах!

Но как же звали его?

Незнакомка.

Он назвал себя: поэт.

Господин.

Я тоже поэт! Я тоже поэт!
По крайней мере, смотря
В прекрасные ваши глаза,
Я мог бы спеть вам куплет:
«Ах, как ты хороша!»

Незнакомка.

Ты хочешь любить меня?

Господин.

О, да! И очень не прочь.

Незнакомка.

Ты можешь обнять меня?

Господин.

Хотел бы я знать, почему
Не могу я тебя обнять?

Пойдем, красотка моя!

(Незнакомка покорно дает ему руку)

Как имя твое?

Незнакомка.

Постой. Дай вспомнить.
В небе, среди звезд,
Не носила имени я...
Но здесь, на синей земле,
Мне нравится имя Мария.
Мария – зови меня.

Господин.

Как хочешь, крошка моя.
Ведь мне лишь только бы знать,
Что ночью тебе шептать.

Уводит Незнакомку под руку.

След их замечает голубой снег.

Музыка. Тихо.

Поэт (появляется из «ниоткуда», в тоске простирает руки в небо)

Нет больше прекрасной звезды!
Синяя бездна пуста.
Сегодня в башне моей

Скорбной рукой занесу
В длинные свитки мои
Весть о паденье светлейшей звезды.

Больше не будет смотреть мне в глаза.
Мария – имя ее.

Музыка совсем затихает.

Господин 1-ый (Проходит по сцене с господином 2-ым под руку, разговаривая)
Ну и закутались же вы, батенька!

Господин 2-ой.

И холод же, доложу я вам! В шубе и то замерз.

Господин 1-ый.

А где шили?

Господин 2-ой.

У Шевалье. На Гороховой.

Господин 1-ый.

А сколько платили?

Господин 2-ой.

Тысячу...

2 отделение

Отзвучали последние реплики драмы А.Блока.

Ведущие сидят за круглым столом. Уютно горит старинная настольная лампа. Все располагает к негромкой, сосредоточенной беседе, к домашнему, не актерскому чтению – скорее припоминанию стихов.

1-ый. Как рассказать о Блоке?

2-ой. Как на уроке? Дата рождения, портреты родителей, гимназический аттестат?

1-ый. Или: первое появление в печати, обложка старого журнала?

2-ой. Нет, Блок не терпит педантства.

Чтец 1.

Когда под забором в крапиве
Несчастные кости сгниют,
Какой-нибудь поздний историк
Напишет внушительный труд...

Вот только замучит, проклятый,
Ни в чем не повинных ребят,
Годами рожденья и смерти
И ворохом скверных цитат...

Печальная доля – так сложно,

Так трудно и празднично жить,
И стать достояньем доцента,
И критиков новых плодить...

Зарыться бы в свежем бурьяне,
Забиться бы сном навсегда!
Молчите, проклятые книги!
Я вас не писал никогда!

1-ый. Поэт обрушивает на нас страстную свою иронию. Он даже от собственных книг готов отказаться, опасаясь, что мы задушим его педантством.

2-ой. Не станем этого делать. Прислушаемся к нему. Ведь рассуждать о поэте нельзя вне его лирики, вне самого ее звука.

Музыка.

Чтец 2.

Есть минуты, когда не тревожит
Роковая нас жизни гроза.
Кто-то на плечи руки положит,
Кто-то ясно заглянет в глаза...

И мгновенно житейское канет,
Словно в темную пропасть без дна...
И над пропастью медленно встанет
Семицветной дугой тишина...

И напев заглушённый и юный
В затаённой затронет тиши
Усыпленные жизнью струны
Напряжённой, как арфа, души.

1-ый. Напряжена, «как арфа», душа Блока. Особое, небудничное движение чувств в ней. Нервный подъем, страсть, хмель, угар, радость, догорающая печаль - вот воздух этой поэзии, воздух, в котором можно говорить с Блоком.

2-ой. И всегда будет так, что стихи его – как он сам. А сам он – как его стихи: голос, походка, лицо... и этот город – Петербург.

На экране. Панорама северной столицы (под звуки негромкой музыки): набережная Невы, Медный всадник на фоне громады Исаакия, скверик у Адмиралтейства, огромные кованые якоря, каменные львы...

1-ый. Но не этот «пушкинский Петербург» памятен прежде всего Блоку.

2-ой. Свой Петербург он исходил крепким пружинистым шагом вдоль и поперек, знал все его закоулки: Петроградскую сторону, острова, Коломну, пригороды...

1-ый. Ходил в компании с другом. Кружил по мостам и набережным с любимой женщиной.

2-ой. Но часто, очень часто – один. Была услада в этих одиноких блужданиях по утреннему, предвечернему, ночному городу.

На экране. Здание Двенадцати коллегий – бледно-розовый флигель с окнами на Неву и Дворик

1-ый. Для Блока у времени был свой цвет.

2-ой. «Каждый год моей сознательной жизни резко окрашен для меня своей особенной краской», - писал Блок в автобиографии.

1-ый. Годы детства и юности – сине-розовые.

2-ой. Внук ректора Петербургского университета ботаники Бекетова, Блок в раннем детстве жил в ректорском доме.

1-ый. Он выходил на прогулку в университетский двор в синей шубке и капоре, за руку с няней. Им встречалась нередко розовая девочка в золотистом капоре, гулявшая со своей няней. Это была Люба, дочь знаменитого химика Дмитрия Ивановича Менделеева.

2-ой. А спустя много лет они стали встречаться под колоннами Казанского собора.
На экране. Казанский собор.

1-ый. Вот записка Блока.

Голос за кадром.

«Если в один из трех дней Вы не будете в Казанском в 8 –10 вечера, Вам угрожает тоска на всю жизнь без оправданий».

1-ый. И вспоминаются здесь, в глухом пространстве Собора, строки:

Чтец 3.

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцании красных лампад.
В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о ней.

2-ой. Из писем Александра Блока Любови Дмитриевне Менделеевой:

Голос за кадром.

«...И песен моих мне мало, и часто я жалею о них, о их бледности, о самой невозможности языка человеческого сказать все, что бессильно вырывается и не может прорваться».

Нужны...небывало целомудренные, девственные одежды, неслыханные, нездешние голоса и такие своды, которым и конца нет...Ты – заря моя...Прекрасней Тебя - нет. Твой, пока живу, пока дышу, до конца».

Чтец 4.

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у царских врат,
Причастный тайнам плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Виктория Рыбкина повторяет (эффект эха). В прожекторе света – фигурка в белом.
Анна Митрофанова – режиссер – постановщик танца.

Чтец 5.

Конец преданьям и туманам!
Теперь – во всех церквах она
Равно – монахам и мирянам
На поруганье предана...

Но есть один вздыхатель тайный
Красы божественной – поэт...
Он видит твой необычайный,
Немеркнущий, Мария, свет!
Он на коленях в нише темной
Замолит страшные грехи,
Замолит свой восторг нескромный,
Свои греховные стихи!

И ты, чье сердце благосклонно,
Не гневайся и не дивись,
Что взглянет он порой влюбленно
В твою ласкающую высь!

Виктория Рыбкина. Вокал.

Чтец 6.

Ты в поля отошла без возврата.
Да святится имя твое!
Снова красные копыя заката
Протянули ко мне острие.

Лишь к Твоей золотой свирели

В черный день устами прильну.
Если все мольбы отзвенели,
Угнетенный, я в поле усну.

Ты пройдешь в золотой порфире –
Уж не мне глаза разомкнуть.
Дай вздохнуть в этом сонном мире,
Целовать излученный путь...

О, исторгни ржавую душу!
Со святыми меня упокой,
Ты, державшая море и сушу
Неподвижно тонкой Рукой!

Анна Митрофанова, танцую, уходит со сцены.

На экране. Мост на Мойке, крутит метель.

Голос за кадром.

«Едва моя невеста стала моей женой, лиловые миры первой революции захватили нас и вовлекли в водоворот. И я вовлекся в серый пурпур, серебряные звезды, перламутры и аметисты метели... За миновавшей вьюгой открылась железная пустота дня... Таковы были межреволюционные годы».

2-ой. Верный своему восприятию цвета времени, Блок говорит здесь о лиловом и снежно-белом. Так грезятся ему вихри революции.

1-ый. Но еще прежде в «железной пустоте дня» два цвета начинают упорно соседствовать в его лирике: черный и желтый.

2-ой. Черные дымы фабрик, черная вода канала, закопченные стены... И желтые линии казенных зданий, желтые окна по вечерам, желтые фонари.

Чтец 7.

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века –
Все будет так. Исхода нет.

Умрешь – начнешь опять сначала,
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

Виктория, повторяя, как эхо:
Ночь.....
.....фонарь.

На экране. Петроградская набережная. На Невке – пароходы, барки. Вдоль берега – пакгаузы, склады.

Чтец 8.

Вечность бросила в город
Оловянный закат.
Край небесный распорот,
Переулки гудят... (остается на сцене)

Чтец 9.

О, город мой неуловимый,
Зачем над бездной ты возник?...
Ты помнишь: ночью белой
Туда, где в море сфинкс глядит,
И на обтесанный гранит
Склонясь головой отяжелелой,
Ты слышать мог: вдали, вдали,
Как будто с моря звук тревожный,
Для божьей тверди невозможный
И необычный для земли...
..... И вот чудесный флот,
Широко развернувши фланги,
Внезапно заградил Неву...
И сам Державный основатель
Стоит на головном фрегате...

1-ый. Не витрины, не дворцы Невского проспекта стали образом
Петербурга Блока.

Голос за кадром:

«Вечерние прогулки по мрачным местам, где хулиганы бьют фонари, пристаёт щенок, тусклые окна с занавесочками...».

2-ый. Так рождались стихи совсем другой интонации, чем обращенные к
Прекрасной Даме.

Чтец 8.

Что на свете выше
Светлых чердаков?
Вижу трубы, крыши
Дальних кабаков...

Одна мне осталась надежда:
Смотреться в колодезь двора.
Светает. Белеет одежда
В рассеянном свете утра.

...Голодная кошка прижалась
У жолоба утренних крыш.
Заплакать – одно мне осталось,
И слушать, как мирно ты спишь.

**На экране. Перспектива Таврической улицы. Дом в инее. Башня Вячеслава
Иванова. Изморозь на окнах.**

1-ый. Принесшую ему громкую известность балладу «Незнакомка» Блок читал здесь, на знаменитой «башне» Вячеслава Иванова.

2-ой.

Корней Чуковский вспоминает ту ночь перед самой зарей, когда Блок впервые прочел «Незнакомку»:

Голос за кадром.

«Из башни был выход на пологую крышу, и в белую петербургскую ночь, мы, художники, поэты, артисты, вышли под белесоватое небо, и Блок, медлительный, внешне спокойный, молодой, загорелый, взобрался на большую железную раму, соединявшую провода телефонов...и по нашей неотступной мольбе уже в третий, четвертый раз прочитал эту бессмертную балладу своим сдержанным, глухим, монотонным, безвольным, трагическим голосом. ...И теперь всякий раз, когда, перелистывая сборники Блока, я встречаю там стихи о Незнакомке, мне видится: квадратная железная рама на фоне петербургского белого неба, стоящий на ее перекладине молодой, загорелый, счастливый своим вдохновением поэт...»

Балансирующий:

...И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,

(может быть, театр теней: за занавесом – столики, за столиками – господа, кричащие «ин вино веритас»), и между ними – она, Незнакомка, танцующая...)

Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль...

Виктория, повторяя, как эхо:

И каждый вечер, в час назначенный,
.....даль.

(Незнакомка останавливается, Поэт ...целует руку)

1-ый. Образ Незнакомки долго владел воображением Блока и, как Прекрасная Дама, повлек за собою целый шлейф удивительных стихов.

2-ой. В круге тем, связанных с этим образом и настроением, родилась и лирическая драма «Незнакомка».

1-ый. Блок уверял, что точно может показать место, где она прогуливалась и где встретилась с поэтом. Это Крестовский мост и выход к нему с Большой Зелениной улицы.

На экране. Крестовский мост.

(По сцене медленно проходят, тихо разговаривая, Незнакомка и Поэт).

2-ой. В этом месте была для него какая-то своя музыка.

Музыка.

1-ый. Блок умел слышать музыку – музыку места и музыку времени. Музыку воздуха, музыку ветра, снега.

Чтец 10.

Не жди последнего ответа,
Его в сей жизни не найти.
Но ясно чует слух поэта
Далекий гул в конце пути.

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо –
Все в облике одном предчувствую Тебя.
Весь горизонт в огне – и ясен нестерпимо,
И молча жду, - тоскуя и любя.

Весь горизонт в огне, и близко появление,
Но страшно мне: изменишь облик ты,
И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты...

Он приклонил с вниманьем ухо,
Он жадно внемлет, чутко ждет,
И донеслось уже до слуха:
Цветет, блаженствует, растет...

2-ой. Звучали голоса, здания, проспекты. Блок выходил из квартиры на улицу – и слышал музыку улицы, он выходил на лестницу – и слышал музыку лестницы, стоял во дворе-колодце – и слышал его музыку.

1-ый. Он слышал музыку петербургских мостов и загородных дач, полей и площадей.

2-ой. И годы были различны для него – не одним цветом только, но музыкой: одной мелодией звучал, скажем, 1906-й, и другой - 1907-й, и еще новый – 1908-й.

1-ый. В музыке, гуле времени различал он будущее – тут основа его пророческих предчувствий.

2-ой. Когда перед своей последней болезнью он, еще внешне здоровый, ощутил, что жизнь собирается уйти от него, он понял это прежде всего по отсутствию музыки. Корнею Чуковскому, с которым был очень дружен, сказал:

Голос за кадром:

«Все звуки прекратились. Разве вы не слышите, что никаких звуков нет.»

1-ый. И молодому другу своему Алянскому повторял:

Голос за кадром:

«Слышать совсем перестал. Будто громадная стена выросла».

2-ой. А как прежде все звучало вокруг!

Чтец 11.

В ту ночь река во мгле была,
И в ночь, и в темноту
Та – незнакомая – пришла
И встала на мосту.

Она была – живой костер
Из снега и вина.
Кто раз взглянул в желанный взор,
Тот знает, кто она.

И тихо за руку взяла
И глянула в лицо.
И маску белую дала
И светлое кольцо.

На экране. Улица в метель. Фонари театра.

1-ый. Зима 1906 – 1907 года была на редкость снежная, метельная, с большими снегопадами. Блок полюбил бывать в кружке молодых актеров театра Комиссаржевской. Любовь к театру, говорил он, помогает ему спастись от одиночества, преодолеть отчужденность от людей и мира.

2-ой. Он буквально пропадал в театре. Веселая артистическая молодежь устраивала маскарады: мелькали цветные бумажные платья, кружились хороводы масок, текли стихи.

Музыка.

Чтец 12.

А под маской было звездно.
Улыбалась тихо ночь.
И задумчивая совесть,
Тихо плавая над бездной,
Уводила время прочь...

(Музыкальная пауза)

Вот явилась... Заслонила

Всех нарядных, всех подруг,
И душа моя вступила
В предназначенный ей круг.

И под знойным снежным стоном
Расцвели черты твои.
Только тройка мчит со звоном
В снежно-белом забытии...

Так пускай же ветер будет
Петь обманы, петь шелка!
Пусть навек не знают люди,
Как узка твоя рука!..

1-ый. Это о вскружившей голову актрисе Волоховой – черноволосой красавице с «крылатыми» синими глазами и победоносной сверкающей улыбкой.

2-ой. Блок уводил ее из хора масок. Была и тройка, были встречи под метелью на Троицком мосту, были прогулки на Острова, бег саней по снегу.

На экране. Елагин мост...Деревянные колонны, покрытые изморозью. Решетка дачи Клейнмихель... Блоковские места.

Музыка. Виктория Рыбкина. Вокал.

Чтец 13.

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите все о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту –
Что же? Разве я обижу вас?

О, нет! Ведь я не насильник,
Не обманщик и не гордец,
Хотя много знаю,
Слишком много думаю с детства
И слишком занят собой.
Ведь я – сочинитель,
Человек, называющий все по имени.
Отнимающий аромат у живого цветка.

Сколько ни говорите о печальном,
Сколько ни размышляйте о концах и началах,
Все же я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет.
И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и нерифмованные
Речи о земле и о небе.

Право, я буду рад за вас,
Так как – только влюбленный
Имеет право на звание человека.

Голос за кадром. «...Только влюбленный имеет право на звание человека»...

2-ой. И почти всегда он был влюблен – то в «снежную маску» Волохову, то в оперную певицу Дельмас, несравненную Кармен на сцене – рыжеволосую, обольстительную и неукротимую, то в какую-то цыганку, случайно встреченную в пригородных Озерках.

Голос за кадром.

«...Увидел афишу в Озерках: цыганский концерт...пели Бог знает что, совершенно разодрали сердце...а ночью в Петербурге под проливным дождем та цыганка дала мне поцеловать руку – смуглую с длинными пальцами – всю в броне из колючих колец.»

1-ый. А на другой день та же цыганка обернулась для поэта «кровавой зарей» – так возникло стихотворение «Седое утро».

Чтец 14.

Утреет. С Богом. По домам!
Позвякивают колокольцы.
Ты жадно жмешь к моим губам
Свои серебряные кольца.
И я – который раз подряд –
Целую кольца, а не руки...
В плече, откинута назад, -
Задор свободы и разлуки.
Но еле видная за мглой,
За дождевою, за докучной...
И взгляд – как уголь под золой,
И голос утренний и скучный...

Не этот голос пел вчера
С гитарой вместе на эстраде!..
Как мальчик, шаркнула; поклон
Отвешивает...До свиданья...
Я молча на нее гляжу,
Сжимаю пальцы ей до боли...
Ведь нам уж не встречаться боле...
Что ж на прощанье ей скажу?..
«Прощай, возьми еще колечко.
Оденешь рученьку свою
И смуглое свое сердечко
В серебряную чешую...
Лети, как пролетала, тая,
Ночь огневая, ночь былая...
Ты, время, память притуши,
А путь снежком запороши.

Испанский танец.

Чтец 15.

Не лукавь же, себе признаваясь,
Что на миг ты был полон одной,
Той, что встала тогда, задыхаясь,
Перед сытой и редкой толпой...

Что была, как печаль, величава
И безумна, как только печаль...
Заревая Господняя слава
Исполняла священную шаль...
И в бедро уперлася рукою,
И каблук застучал по мосткам,
Разноцветные ленты рекою
Буйно хлынули к белым чулкам...

Но, средь танца волшебств и наитий,
Высоко занесенной рукой
Разрывала незримые нити
Между редкой толпой и собой,

Чтоб неведомый северу танец,
Крик... и язык кастаньет
Понял только влюбленный испанец
Или видевший Бога поэт.

2-ой. Так Незнакомка обернулась Снежной маской...

Песня Снежной Маски

Поэт:

Белоснежней не было зим
И перистей тучек,
Ты дала мне в руки
Серебряный ключик,
И владел я сердцем твоим.
Тихо всходил над городом дым,
Умирили звуки.

Снежная Маска:

Рукавом моих метелей
Задушу.
Серебром моих веселий
Оглушу.
На воздушной карусели
Закружу.
Пряжей спутанной кудели
Обовью.
Легкой брагой снежных хмелей
Напою.

Поэт:

Взор твой ясный к выси звездной
Обрати.
И в руке твой меч железный
Опусти.
Сердце с дрожью бесполезной
Укrotи.
Вихри снежные над бездной

Закрути.

Снежная Маска:

Вот прошел король с зубчатым
Пляшущим венцом.
Шут прошел в плаще крылатом
С круглым бубенцом.
Дамы с шлейфами, пажами,
В розовых тенях.
Рыцарь с темными цепями
На стальных руках.
Ах, к походке Вашей, рыцарь,
Шел бы длинный меч.

Поэт:

В длинной сказке тайно кроясь,
Бьет условный час.
В темной маске прорезь ярких глаз.
Нет красивой покрывала,
Тоньше стана нет...

Снежная Маска:

Вы любезней, чем я знала,
Господин Поэт.

Поэт:

А в камине дозвенели угольки.
За окошком догорели огоньки.
Я какие хочешь сказки расскажу,
И какие хочешь маски приведу.
И любой колени склонит
Пред тобой...
И любой цветок уронит
Голубой.

Музыка.

Исполняет Тимур Коган